

ISSN 0130—3562

ДОН

89/6

М. ПЕТРОВ: ТВОРЧЕСТВО И СУДЬБА

Важнейший для нашей жизни разговор, сам собой напрашивавшийся всякий раз, как у нас делались попытки демократизации, разговор, от которого теперь будет зависеть больше, чем когда бы то ни было, — неизбежен. Он уже, считай, начался — разговор о партии, о ее состоянии и положении в обществе, о ее будущем. Начинать его, а точнее, продолжать, приходится с того полуслова, на котором он был пресечен четверть века назад антидемократическими силами в партии и государстве, силами, чья победа привела страну к эпохе застоя, на грань такого кризиса, для предотвращения которого теперь уже мало обычных мер — требуются чрезвычайные, революционные.

Среди людей, начинавших разговор о партии еще тогда, был Михаил Петров (1923—1987) — автор своеобразного трактата (он назвал его повестью), который предлагается сейчас читателям «Дона». XX съезд застал его в аспирантуре Московского института философии Академии наук СССР. Что там делалось в то время, как вели себя в новой политической обстановке учителя наших философов и некоторые их ученики, в каком направлении собирались они двигать советское обществоведение, Михаил Петров знал досконально. В 1960 году написанную на этом материале повесть-трактат он послал в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева. Автор, работавший тогда заведующим кафедрой иностранных языков Ейского высшего военного училища летчиков, выражал надежду, что его произведение «явится затравкой для открытого разговора перед съездом партии», будет способствовать «детальной разработке теории строительства коммунизма».

Ответа начинающий автор не получил, рукопись была переслана в Ростов.

30 марта 1961 года партбюро учебно-летнего отдела и 10 апреля 1961 года парткомиссия при политотделе Ейского высшего военного училища летчиков, 10 мая 1961 года парткомиссия при политотделе Военно-Воздушных Сил Северо-Кавказского военного округа, 5 июня 1961 года парткомиссия при политуправлении Советской Армии и Военно-Морского Флота исключили Михаила Константиновича Петрова из рядов КПСС «за недостойное поведение, выразившееся в написании и посылке в ЦК КПСС повести антипартийного содержания».

Особый протест малочисленных тогдашних читателей рукописи Петрова вызывал внутренний монолог одного из его героев, в котором тот пытается трезво оценить состояние партии после Сталина. Не выбирая, как и бывает наедине с собой, слов, не думая о последствиях, старый партизек называет это состояние «духовной смертью» — выражение, которое и решило судьбу автора. С искренностью и обстоятельностью своего героя Петров напоминал товарищам, что убежденный коммунист Молотов отнюдь не останавливается на констатации «духовной смерти», но размышляет о путях возрождения партии на новых, демократических началах — в этом смысле тех нравственно-идейных поисков, которые начались в рядах КПСС после XX съезда. Петров призывал своих судей вспомнить, что Сталин был не просто вождь, которого называли отцом. Ему поклонялись, как божеству, культ этой личности был именно культом: поклонение Сталину во многом и определяло духовную жизнь партии. Об этом при Сталине говорили со всей прямотой и воодушевлением, и это была чистая правда хотя бы потому, что культ — явление прежде всего коллективной духовной жизни. Со смертью такого вождя прекращается и такая духовная жизнь, если, конечно, культ живого не превращается в культ мертвого. Автора выслушивали и продолжали обвинять в клевете на партию, в оскорблении самого святого, что у нас есть, и философу ничего, наверное, не оставалось, как спрашивать себя, не является ли он свидетелем того, как вслед за разоблачением культа личности утверждается что-то вроде культа организации, обожествляется партийный аппарат. В дальнейшем, когда был канонизирован иконо-героический образ партийного работника и только такой и стал допускаться в литературу, о том же думали многие из нас.

21 июня 1965 года собрание партийных групп кафедр философии и иностранных языков Ростовского университета, где Петров работал преподавателем английского языка и философии, ходатайствовало о восстановлении его в партии. Это ходатайство поддержали первичная партийная организация филологического факультета и бюро Кировского райкома КПСС Ростова. В свою очередь, бюро Ростовского горкома КПСС отклонило его заявление о восстановлении в партии. Вслед за тем бюро Ростовского обкома КПСС, рассмотрев 22 марта 1966 года дело Петрова по предложению КПК при ЦК КПСС, также нашло обоснованным обвинение автора в том, что в своей повести он «устаами ее героев выступил с клеветой на Коммунистическую партию, на советский общественный строй, на социализм и коммунизм, подверг ревизии учение марксизма-ленинизма», не выведя при том «положительных героев, которые бы разоблачили эту клевету на наше советское общество, нашу действительность», и постановило: «Отказать Петрову М. К. в ходатайстве о восстановлении его членом КПСС за отсутствием к тому оснований».

За два десятилетия, прошедшие с тех пор, Петров написал больше двухсот науч-